

Побочный эффект

1.

Противный мелкий дождь намочил все вокруг. Утренняя сырость пробирала до костей.

Поднимаясь по ступеням, она внимательно смотрела под ноги, опасаясь поскользнуться на мокрой плитке. Только войдя в помещение, подняла глаза и замерла. Прямо перед ней стояла стильная, ухоженная, холеная толстуха. Ее даже можно было назвать симпатичной: модная прическа, отличный макияж, уверенный взгляд, но это было ее собственное отражение, поэтому восторгов оно не вызывало.

Зеркало было огромным — во всю стену от пола до потолка, и Оксана теперь отлично понимала, почему его установка влетела ей, хозяйке фитнес центра, в копеечку. Благодаря размерам, положению в холле и подсветке, оно забирало все внимание вошедшего, просто не давало оторваться, Оксана все смотрела и смотрела, а настроение портилось и портилось с каждой секундой.

На восторженное приветствие администратора она ответила без энтузиазма. Девушка за стойкой до поры до времени притихла, не высовывалась, внимания к себе не привлекала, пыталась оценить обстановку и подстроиться к настроению неожиданно появившейся хозяйки.

Закончив разглядывать себя в фас, женщина повернулась боком, потом спиной. Ни с той ни с другой стороны вид не удовлетворял.

— Вот засада! — прошипела она под нос.

— Вы что-то сказали, Оксана Викторовна? — Ксюша, администратор, пыталась наладить контакт.

— Да говорю, дома, казалось, мне эти джинсы даже идут. А тут — смотреть страшно!

— Ой, нашли, куда глядеться.

Администратор тут же оживилась, выскочила из-за стойки, как коза на своих лабутенах, прискакала и встала рядом, уперев руки-палки в костлявый

таз. Теперь в зеркало смотрелись две очень разные по комплекции особы, но с одинаково недовольным выражением лица.

— Это же зеркало такое, — махнула рукой Ксюша.

— Какое? — потешно копируя ее дурацкую манеру тянуть гласные, поддразнила Оксана.

— Специальное, — Ксюша не уловила иронии. — Мы его специально при входе установили, чтобы клиентки на себя глядели и ужасались.

Ксюша, кривляясь, присела, как от страха, разинула в притворном ужасе рот, прижимая ладони к впалым щекам.

— Вот поужасаются, поохают-поохают и сразу абонемент в спортзал приобретут, а там уж и спа, и массажи, и все такое. Вы же сами говорили, нужно что-то делать для привлечения клиентов. Вот, пожалуйста, маркетинговый ход.

— Ишь, чего... — подивилась бизнес-идее Оксана, поправляя перед чудо-зеркалом тонированные пряди.

— А на выходе другое. Наоборот, утягивает, чтоб клиент видел результат с первого раза.

— Значит, тут у нас и посмотреться не во что. Кругом обман.

— Ну, во всяком случае, не в это, — Ксюша крутилась перед зеркалом, звонко топоча по итальянской керамике каблучищами. — Здесь и у меня пузо.

Оксана недовольно покосилась на эту анорексичку, набивающуюся на комплимент. А ведь и правда, животик у девоньки дрябленький. Она не удержалась и ущипнула ее за складочку в районе предполагаемого пупка. Ксюша взвизгнула, как дикая обезьяна, и затопотала прятаться за стойку.

— Чего орем? — раздался женский бас.

Из дверей массажного кабинета выглянула мощная деваха с фигурой призера чемпионатов по толканию ядра и не менее сильным именем Вера. Увидев Оксану, она расплылась в добрейшей улыбке сенбернара и, раскинув ручища, чуть ли не бегом кинулась обниматься-целоваться.

Оксана не дрогнула, достойно выдержала напор. Панибратства она не выносила, но искреннюю радость подчиненных ценила и чувств не отвергала. К

тому же рядом с мощной, широченной Верой, Оксана могла чувствовать себя, пусть не Дюймовочкой, но весьма миниатюрной женщиной.

Крепкие объятия погрузили хозяйку салона в облако ароматов: уютные запахи массажных масел переплетались с пряными травяными и терпкими эфирными.

— Ой, как пахнешь! — восхитилась Оксана. — Дай еще понюхаю.

— Да что вы, Оксана Викторовна, — загудела богатырша. — Засмущали прямо!

— Это ж у Верки рабочее все, от кабинета. Чё попало...

— Я те дам «чё попало»! — Вера сунула Ксюше под нос кулак размером ее худенькую мордочку.

— Да, не заводись ты! — отмахнулась Ксюша. — Вот вы, Оксана Викторовна, всегда так тонко духи подбираете!

— Ах ты, Ксюха-льстюха! — Оксана сделала вид, что опять собирается ее ущипнуть.

После веселой заварухи втроем плюхнулись на огромный кожаный диван.

— Рыбок кормили? — поинтересовалась хозяйка, глядя на встроенный в стену аквариум.

— Конечно, регулярно по графику, — заверила Ксюша.

— Что-то вы совсем нас забыли, Оксана Викторовна, — вздохнула Вера. — Тренировки забросили.

— Да какие тут тренировки, Вер! Столько дел. Я света белого не вижу. Кручу-верчу, лучше жить хочу. Вообще, зря я вас тогда прикупила. Ошиблась я на ваш счет. Повелась на здоровый образ жизни. В результате, я из-за руля не вылезая: то в налоговую, то к пожарникам, то в банк. До того накрутишься, только о диване все мечты.

На каждый жуткий довод собеседницы сокрушенно кивали и поглаживала Оксану по плечу.

— А с клиентками вашими, постоянными, кто по ресторанам обедать будет, чтобы у них калории не переводились?

Все трое заливисто захохотали.

— Ох, пойдете, Оксана Викторовна, я вам массажик сделаю, — ласково пробасила Вера. — В кедровую бочку хотите?

2.

Оксана, забежавшая в свой центр красоты и здоровья на пять минут, провела в спа полдня.

После заскочила к подруге, недавно родившей второго карапуза. У Светки было хорошо: шум-гам в маленькой двушке. Визги старшего тонули в воплях младшего. Все жизненное пространство было захвачено армией игрушек, которые в каждой комнате разбили свой бивуак. В воздухе витали ароматы манной каши и детской косметики. Центр этой вселенной — ненакрашенная, непричесанная Светка в домашнем халатике излучала покой и умиротворение.

— Вот люблюсь я на тебя! Прямо белой завистью... — разоткровенничалась Оксана после рюмки чаю.

— Врешь ты все, зараза! — весело огрызнулась подруга, отнимая малыша от пышной груди.

— Честно. У тебя семья, дети. Славка вон какой молодец, прибежал с работы, пельмени варит!

— Да, я такой! — донеслось из кухни.

— А я все одна да одна.

— А что этот твой из качалки?

— Да... — Оксана отмахнулась. — Мозг-то не накачивается.

— Это да, — вздохнула Света в тон подруге. — А продюсер за тобой ухаживал?

— Ой, не напоминай, он, как выяснилось, того...

— Чего? — не поняла Света.

— Ну... — Оксана сделала только им двоим понятный жест, и Света расхохоталась.

— Да ты что?! Серьезно?

— Тебе смешно, — вздохнула Оксана и обреченно подперла подбородок ладонью.

— Ну, не кисни.

— Это потому что я толстая.

— Да какая ты толстая?! На меня посмотри.

Света с радостью продемонстрировала пышные формы, поющие гимн счастливой семейной жизни и радостному материнству.

— Тебе сам бог велел, — Оксана бережно взяла малыша у матери, играясь, приподнимала его и опускала, упирая крепкие ножки в свои мягкие, широкие бедра. Малыш визжал от удовольствия.

— У тебя вон оправдания пешком под стол бегают.

— Твою толстоту можно за месяц тренировок в твоем же салоне ликвидировать.

— Ой, ненавижу я это все! Прыгать, надрываться, рядом с собственными клиентками потеть. Даже представить не могу. Было бы такое, чтоб раз: таблетку выпила — и красавица!

— Про таблетки не знаю, но вот говорят, крем такой есть, — донеслось из кухни.

— Вот где бабка-подслушка! — съязвила Света.

— Вы тут страдаете на всю квартиру, подслушивать не надо, — в комнату с тарелками пельменей зарулил Слава.

Запах манной каши уступил позиции сочному мясному духу. Слюнки потекли.

— Возьми Гришу, пожалуйста, мы хоть поедим нормально, — попросила Света мужа.

— Погодите, — заинтересовалась Оксана. — А что за крем?

И Слава с малышом на руках, прыгая по комнате и спотыкаясь об игрушки, поведал историю о чудо-креме, которую подцепил сегодня в своей бухгалтерии от женщин-коллег. Потом звонили главбуху Нине Николаевне,

уточняли подробности, еле-еле закончили разговор — ухо пекло от перегретой трубки, но информацию добыли.

Ссылка была активна, сайт работал, и Оксану прямо из гостей со Славкиного ноутбука без проблем записали на консультацию к доктору Райкеусу.

Уже дома поздним вечером в неглиже она крутилась перед зеркалом, заранее прощаясь с круглыми бочками и ненавистными ушками на бедрах.

3.

— Ну-с, что вы решили? — промурлыкал доктор.

— Ой, даже не знаю, — Оксана никак не могла определиться и ерзала на стуле. — Такие деньги... А точно поможет?

— В этом можете не сомневаться. Мы полностью гарантируем качество продукции. Видите ли, нам не важны деньги, нам дороги красота и здоровье наших женщин! И, чтобы быть с вами полностью откровенным, я должен предупредить о некотором побочном эффекте.

— А что за побочный эффект? — насторожилась Оксана.

— Понимаете, Оксана Викторовна, — он доверительно взял клиентку за пухленькую ручку. — Этого никто не знает.

— Как это? — Оксана заподозрила в откровенностях доктора признаки шарлатанства.

— Это очень сложно объяснить, — ворковал тот, — понимаете, каждый организм неповторим. Он индивидуально реагирует на воздействия крема. Основной эффект один и тот же — интенсивное похудение. Но проходит оно у каждого по-разному. Возможно легкое головокружение, может, незначительные нарушения сна, несколько обостренное восприятие цвета и звуков...

— Тошнота, понос... — продолжая перечисления, съязвила пациентка.

— Ну, что вы?! Что вы?! Это же крем, а не яйца глистов. В целом, ничего угрожающего здоровью. Легкий дискомфорт.

— Дискомфорт, значит, — сетовала Оксана. — Это за такие-то деньги?

Доктор перестал бродить по кабинету, мягко опустился в кожаное кресло. Помолчал, подумал и в внезапном порыве перекинулся через стол. Расстояние сократилось до доверительного.

— Понимаете, в чем дело, — в голосе звучали нотки той неповторимой печали, которые дают только тайные знания. — За все надо платить!

И Оксана заплатила.

4.

Она торопилась домой, нервничала в пробке, психовала на нерасторопных пешеходов, бранилась на каждый светофор.

Наконец, въехала в свой двор, ловко припарковалась и заспешила в подъезд, прижимая к груди красиво упакованное чудо-средство.

Под ноги кубарем кинулась дворовая Жуля. Собачонка спешила за порцией добра и ласки.

— Жуля, Жуленька, — засюсюкала Оксана, теребя доверчиво подставленный широкий лоб. — Собака такая! Ела сегодня?

— Да, — услышала она за спиной, вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Голос принадлежал соседу со второго этажа, молодому мужчине примерно ее лет. Он почти бесшумно подъехал на своем велосипеде и теперь стоял рядом, застенчиво улыбаясь. Вид его, несмотря на трехдневную щетину, был вовсе не брутальным, а трогательным. Ветер ерошил рыжую шевелюру. Одет он был невзрачно: ветровка неопределенного цвета, поношенные джинсы.

— Ой, я вас напугал, простите! — он, искренне извиняясь, прижал обе руки к сердцу, совершенно забыв про велосипед. Тот незамедлительно грохнулся об асфальт.

Оксана засмеялась, сказала, что ничего страшного, а про себя силилась вспомнить его имя. Мужчина махнул рукой на повалившийся велик, смущенно поправил очки, отчитался, когда и чем кормил собаку.

— Я бы ее домой забрал, но живу один и с моим графиком это совершенно невозможно.

— Вот и я, — попыталась закончить непредвиденное общение Оксана.

— Правда? — непонятно о чем переспросил сосед, но тут же засмутился вновь и переключился на Жулю.

Собака чуть с ума не сошла от такого обилия человеческого внимания. Оксана, пользуясь случаем, прошмыгнула в подъезд.

— Как же зовут этого чудика? — она силилась вспомнить. — Иннокентий? Эдуард? Леопольд? Нет. Это вообще ни в какие ворота не лезет. Вот помню, что имя его странное, но ему идет. Просто по нему имя, такое же «рыжее», совершенно невозможное.

В окне подъезда под каким-то невероятным углом сверкнуло солнце, на миг ослепило только что вышедшую из лифта Оксану.

— Рудольф! — вспыхнуло у нее в голове. — Точно.

Рудольф Яковлев — местный малахольный. Всему двору он запомнился акцией «Сортируем мусор». Призывал в листовках и плакатах, которыми увесил все подъезды дома, разделять бумагу, пластик, стекло и бытовые отходы. Вроде бы на свои деньги даже закупил и поставил разные контейнеры. Кто-то даже повелся на эту бредовую идею, но в результате мусоровозы не справлялись со странными контейнерами, набитыми пластиковыми бутылками или картоном. Мусорки переполнялись, бомжи устраивали срач, ЖЭУ все это дело быстренько ликвидировало. Рудольфу велено было не заниматься ерундой.

Но личность он был безусловно замечательная. Расписал подъезд «под Ван Гога», расставил горшки с геранью, организовал сбор старых батареек, на своей лестничной площадке поставил этажерку для обмена книгами. Оксана стянула оттуда женский роман — надо, кстати, вернуть. В любое время года — на велике, до сих пор, как пионер, вешает скворечники, делает кормушки, Жулю, вон, содержит. Наверняка, вегетарианец.

Оксане сразу вспомнились вчерашние Славкины пельмени. Она бы и сейчас не отказалась от порции.

— Ты вот гонишь на человека, а Жуля его любит, — поспорила она сама с собой, — собаки, они в этом понимают.

Уже будучи дома, Оксана, наверное, с полчаса искала по квартире кота. На излюбленных местах его не было, на зов не откликался.

— Вот тебе и домашний любимец. Смысл было заводить? Я с ним вообще не вижусь. У нас, видите ли, режимы не совпадают. Сейчас спит где-нибудь на шкафу, чтобы до него не добрались, а когда я спать лягу, будет бодр и весел, станет по мне скакать, требовать внимания и ласки.

Оксана, раздраженная и обиженная, хотела уже устроить животному семейную сцену, но сначала решила перекусить, набраться сил. К жареной картошечке не поленилась, почистила селедочку, заправила маринованным в столовом уксусе лучком и зеленым горошком. Лакомство залила постным маслом. Тут же на пороге кухни возник заспанных британец.

— Соизволил появиться, — умилилась Оксана хмурому питомцу. — Ну, иди сюда.

Кот, игнорируя призыв хозяйки, прошествовал к миске, не увидев свежей еды, выпучил глаза и издал противный утробный вой. Оксана, как по команде, бросила ужин и кинулась кормить животное.

Вечер провели приятно. Феликс отлежал Оксане все колени, спина у нее затекла от неподвижного сидения в одной позе, чтобы не потревожить спящее создание.

— Надо и тебя кремом намазать, — мысленно шутила Оксана, глядя сытый кошачий бок.

Феликсу, наверное, не понравился ход Оксаниных мыслей, иного объяснения, почему он вдруг соскочил с ее колен, недовольно отряхнулся и, дергая лапами, покинул комнату, она найти не могла.

— Ну, значит, сама судьба велит приступать.

Следуя инструкции, Оксана приняла горячую ванну, растерлась полотенцем и нанесла крем на распаренное, влажное тело. Пока мазалась, в голове роились неуютные мысли: вдруг она сделала что-то не так и весь эффект сойдет на нет. Удивительно, но баночки хватило ровно, чтобы покрыть себя тонким слоем от ушей до пят.

Крем ложился легко, тут же впитывался, не оставляя никаких следов, дарил приятные ощущения пролады. Кожа стала гладкой и нежной, как шелк. Оксана подождала около часа, время было позднее, никаких других ощущений, кроме косметических, не появлялось.

— Вот и купила я себе молочко для тела за «страшносказательсколькo» долларов! — заранее расстроилась Оксана и отправилась спать.

Долго ворочалась, не могла успокоить свою внутреннюю жабу. Только задремала, пришел Феликс, лег в ноги. Не понравилось. Прилег рядом на подушку. Тоже что-то не устраивало, бил хвостом, каждый раз попадая Оксане по лицу. Оксана связываться не стала, знала, что ни к чему хорошему ночной конфликт с котом не приведет. Он просто поставит целью не давать ей спать. Хозяйка перевернулась на другой бок. Феликс воспринял это как начало холодной войны. Неловко карабкаясь через хозяйку, он перебрался на другую сторону кровати, свернулся в клубок, прижав круглый бок прямо к ее лицу. Оксане чертовски хотелось спать, она психанула и перешла на блиц-крик, спихнув Феликса с кровати. Животное тоже ринулось к активным боевым действиям. Кот нервно носился в темноте, как комнатный бизон, сшибая мелкие, но громко падающие предметы. На пол летели пульт от телевизора, журнал «Космо», футляр от очков, когда, судя по звуку по полу стала гоняться баночка от крема, терпению Оксаны пришел конец. Она соскочила с кровати и врубил свет!

— А-а! — зазвучал вопль ужаса в ее голове, а Феликс пулей вылетел из комнаты. Оксана встряхнула головой, крик исчез. Она выключила свет и закрыла дверь.

— Гадина! — снова услышала она утробный звук.

Внутри похолодело. Она схватила телефон. На мониторе высветилось:
2:36.

— Еще бы! Будут тут звуки в голове.

Оксана рухнула в кровать и забылась сном. Ей снился голос, тонкий и пронзительный, как звенящая струна. Голос отдавал команды:

— Первый отряд, перейти к снижению, поверхность готова к бурению.

— Есть, командир! — отозвался хор таких же писклявых голосов.

— Прошу проявлять предельную осторожность, есть опасность сейсмической активности.

Оксане снилось, что голос сумел вырваться за пределы сна и выдернуть за собой ее. Комар жужжал над самым ухом. Оксана, спросонья отвесила себе оплеуху.

Сквозь звон в ушах донеслись обрывки голоса из сна:

— ...мание—внимание! Всем покинуть платформу! Начало сейсмической активности! Повторяю, всем поки...

Оксана хлопнула еще раз, окончательно проснулась, на ладони остался след от надоедливой насекомого. Пришлось включить фумигатор. До будильника оставалось три часа пятнадцать минут.

6.

Именно через этот временной промежуток он вырвал ее из объятий сна. Спала Оксана, видимо, беспокойно, во сне ворочалась, поэтому совершенно запуталась то ли в одеяле, то ли в простыне. Еле освободившись из матерчатого плена, она выключила будильник, спустя несколько секунд, стала выбираться из постели. Как только встала на ноги, почувствовала, как ночная сорочка скользит по телу и падает к ногам, оставляя хозяйку абсолютно обнаженной. Оксана ахнула, схватила домашний халат и утонула в нем. Одежда, еще вчера плотно обтягивающая габариты хозяйки, позволяла теперь завернуться вдвое. Оксана отшвырнула халат и кинулась к зеркалу.

Прямо перед ней стояла голая, растрепанная, заспанная худышка.

Вопль ликования пронзил утреннюю тишину квартиры. Оксана не могла на себя насмотреться. Долгожданные торчащие ключицы, остренькие локотки и коленки, тазовые косточки. Попы нет! Совсем нет! Нисколечко! Оксана прогнулась, чтобы разглядеть хоть какие-то остатки за спиной. Ничего! Скуластое, глазастое лицо озарила улыбка полного счастья. Оксана так долго крутилась перед зеркалом, что даже замерзла. Скача от радости, как мустанг в пампасах, она понеслась под горячий душ.

— Хо-ро-ший день у меня сегодня... — завывала Оксана, периодически захлебываясь струей воды, попадающей в рот. Но вода не могла утопить песню души.

Замотавшись в халат, как в плащ-палатку, хихикая и мурлыча себе под нос, она направилась на кухню.

На диванчике лежал Феликс и не подавал признаков жизни.

— Конечно, — ахнула Оксана. — Теперь он спать будет. Феликс! Ну, Феликс, ну, посмотри на меня!

Кот дернул ухом, поморщился. Оксана хотела взять его на руки. Но тот при первом приближении рук хозяйки, не открывая глаз, утробно завыл:

— У-уйди-и, у-убью-у-у!!!

— Ух ты! Феликс, ты, глядишь, так и заговоришь у меня в скором времени, — Оксана была поражена сверхспособностями питомца.

Феликс к тому времени незамедлительно впал в сонную кому.

Ах, что это было за утро! Дождик, морозящий с утра, обещал вот-вот закончиться. Кофе убежал на плиту, но не весь, приличную часть удалось удержать в медной, сияющей турке. Молоко, правда, скисло. Но, ученая жизнью, Оксана предусмотрительно попробовала глоток перед тем, как испортить кофе!

— Э-э! Не проведешь! — усмехнулась она.

Черный кофе — то что нужно стройной женщине. Никакого молока! Никаких булок с маслом! Кофе и только кофе. Кофе. Стройность. Рок-эн-ролл.

Она распахнула окно. В кухню влился поток утренней прохлады. Во дворе кричали дурными, визгливыми голосами какие-то скандальные девки, может, бабы.

— Дай сюда!

— Не трожь! Мое!

— Дай сказала!

— Уйди отсюда, дура!

— Сама дура! И муж у тебя дурак, и дети дураки!

— Пошла отсюда!

Оксана по пояс высунулась в окно. Двор был пуст, только два воробья таскали друг у друга корку хлеба.

— Дура!

— Сама дура! — неслось на весь двор.

— Ну надо же, с утра пораньше, еще и не видно где это, — удивилась Оксана скандалу, но почувствовала, что озябла, и притворила окно.

7.

Она вернулась к зеркалу, не могла налюбоваться на себя новую, стройную, прекрасную. Состояние полной удовлетворенности собой и бурная радость захватили ее настолько, что поначалу она даже не осознала надвигающуюся серьезную проблему. А ведь теперь Оксане совершенно нечего было надеть. Да, это тот самый юмористический случай, когда шкаф ломится от вещей, а надеть, реально, нечего. И это было вовсе не смешно. Она буквально утопала в вещах.

В душу закралась досада. Оксана любила свои вещи. Обожала платья, экстравагантного покроя, которые тщательно выбирала в магазине авторской одежды Дуси Дербенко, и они ей невероятно шли, скрывая нюансы фигуры, придавая облику элегантность или смелую оригинальность. Любила она и свои просторные блузы с крупным принтом. Ткань расписывал сам Веня Бабочкин. На ней, как на полотне художника, улетали вдаль птицы, пенилась морская

волна, расцветали хризантемы, роняла лепестки пепельная роза. Каждая блуза была шедевром. От Оксаны невозможно было отвести глаз. Какие уж теперь росписи! От прежней розы на новой Оксаниной груди поместится лишь лепесток.

— Так, о чем это я? — удивилась своей ностальгии счастливая обладательница ключиц и узких бедер.

Добравшись до торгового центра в джинсах, привязанных к талии ремнем, сверху, замотав себя в кардиган, Оксана потратила день на приобретение базового гардероба. В конце концов, изможденная бесконечными переодеваниями, критическим подходом при выборе практически одинаковых джинс и футболок, нагруженная фирменными пакетами, она садилась в машину. В голове была совершенная мусорная куча из обрывков дурацкой музыки, перед глазами мелькали этикетки.

— Так, и что же я купила? — вспоминала она за рулем.

Ей всегда нравилось вызывать в голове образ недавних покупок. В памяти всплыли многочисленные джинсы, топы, футболки...

Ей, безусловно, нравилось, как сидят на ней теперь маечки и топики, чуть-чуть провисают джинсики, свободно болтаются рубашонки, ну точно, как на вешалке. Но душу скребла подлая мысль: Оксана выглядела, буквально, как манекен, хоть в витрину выставляй. Магазины были заполнены похоже одетыми девицами. Варьировалось лишь топик на тебе или блузка на выпуск, в кроссовках адидас ты или в найках, стучишь каблуками лабутенов или мюлей.

— Да, — задумалась Оксана, — выделиться теперь будет сложновато.

Домой возвращалась в обновленном облике, уставшая, как собака.

8.

Двор был пуст, не считая Рудольфа, чинившего кособокую лавочку у подъезда. Проходя мимо, ей почему-то захотелось с ним пообщаться, спросить как дела, заодно и проверить реакцию человека, впервые видевшую ее

стройной. Не отрываясь от работы, Рудольф односложно поприветствовал соседку.

— Не узнал, — сделала вывод Оксана и решила привлечь к себе внимание беседой.

— Простите, а вы не знаете, где Жуля?

Рудольф замер, после звонких ударов молотка, тишина буквально звенела. Он взглянул на собеседницу, и с каждой секундой не только глаза его становились шире, челюсть тоже пришла в движение. Наконец он осознал, что смотреть на женщину, разинув рот, по меньшей мере странно, по большей неприлично, поэтому нашел в себе силы промямлить извинения за то, что не сразу узнал знакомую, после чего, буквально, выдавил парочку банальных комплиментов с акцентом в большей степени на здоровье, и лишь вскользь по поводу красоты. Покручинившись, что не знает, где их общая любимица, он закашлялся, извинился, просыпал гвозди, снова извинился, как-то быстро свернул фронт работ и, в третий раз извинившись, суетливо скрылся в подъезде.

— Ненормальный, — убедилась Оксана, вздохнула и, дав сбежавшему собеседнику приличную фору, зашла в подъезд.

9.

Открыла дверь в квартиру. В нос ударил стойкий запах аммиака.

— Феликс!!! — возопила хозяйка

На вопль никто не вышел.

— Нет, он издевается прямо! Я ж перед уходом все поменяла.

Она кинулась убирать лужу, оставленную котом демонстративно около лотка.

Когда чистота была восстановлена, квартира проветрена, ругательства сотрясали пустоту, на пороге кухни обозначил себя виновник торжества антисанитарии. Оксана с укором воззрилась на кота, тот в свою очередь буравил ее пораженным взглядом.

— Это что тут еще? — неизвестно откуда раздался голос простуженного гопника.

Оксана вскрикнула, завертела головой, ища названного гостя, в безрассудном порыве кинулась к кухонному столу, вооружилась поварешкой.

— Сдурела? — продолжал напирать тот же мерзкий голос.

Феликс выгнул спину, заходил боком вокруг хозяйки.

— Ты, вообще, кто такая?

Перепуганная Оксана, крадучись, выглянула в коридор. Пусто!

— Ненормальная! — услышала она сзади, крутанулась вокруг себя, но за спиной никого не было. Никого, кроме Феликса. Тот, вздыбив шерсть, пожирал ее глазами.

— Это ты говоришь? — еле шевеля губами, выдохнула. наконец, Оксана.

— Нет, блин! Холодильник!

Оксана улыбнулась с облегчением и упала в обморок.

Первое, что она почувствовала, когда сознание медленно вернулось к ней, это странное чувство, что у нее усы. Она даже боялась открыть глаза. Усы жили своей жизнью, шевелились, щекотали ее губы, щеки, даже, невероятным образом задели кончик носа. Оксана чихнула, усы зашипели нечто бранное.

— С ума сошла, я чуть опять лужу не сделал!

Над очнувшейся Оксаной нависал недовольный Феликс.

— Ты, мать, чего с собой сделала?

Говорил, определенно, кот, вернее, он мурчал, мяукал, урчал, но Оксана понимала в его кошачьих звуках все, до последнего словечка. Она села, потеряла лицо.

— Либо я сошла с ума, либо у меня единственный в мире говорящий кот.

— Естественно, ты сошла с ума. Кто ж в здравом уме с собой такое сотворит?

Оксана растерялась от такой животной наглости, не знала даже, что сказать.

— Ты вот, что... — продолжал отповедь кот. — Смотри у меня, со мной такое же учинить не вздумай! Я теперь за тобой слежу. Если только почувствую,

что с харчами что-то не так или рацион убавлен, я терпеть не буду — сразу в форточку. Во дворе меня любая мамзеля с лапами оторвет. Ты не единственная, не думай даже.

Оксана медленно встала, неуверенным шагом подошла к кладовке, достала оттуда пылесос. Сквозь гул электроприбора слышались вопли о пощаде:

— Сдурела? Истеричка! Я же пошутил! Пошутил, говорю! Убери это! Убери! Шуток не понимаешь?!

До утра не разговаривали. Феликсу пришлось лечь на диване.

10.

Оксана встала рано. Не таясь, гремела посудой, готовила яичницу. Чуткий сон любимца ее больше не заботил. В миску коту плюхнулась порция «Кролика в сливках», сверху «Сочная курочка».

— Жри, скотина! — бурчала под нос обиженная со вчерашнего дня хозяйка, — А то, не дай бог, похудеешь! А я, виноватая, одна куковать останусь!

Яичница подгорела и прямо со сковородки отправилась в мусорное ведро.

— Не больно-то и хотелось, — проворчала Оксана, надела джинсики, маечку и отправилась в фитнес-центр. Красота красотой, а работа сама себя не делает.

Как только она вышла из подъезда, на нее обрушился злобный старушечий крик:

— А ну! Стой! Стой, кому говорят!

К ногам, безудержно лая и клацая зубами, бросилась Жуля. Оксана завизжала и кинулась обратно.

— Стой! — вопила Жуля. — Кто такая? Чего в наш двор приперлась!

— Жуля! Фу! — очень вовремя появился Рудольф. — Ко мне! С ума сошла?!

Оксана боязливо выглянула из дверей.

— Не бойтесь! Здравствуйте!

Оксана ответила на приветствие. Рудольф сидел на корточках около бурчащей болонки, гладил ее спутанные космы.

— Старееет Жуля, вот и не признала вас в новом обличие.

Оксана пожала плечами, попыталась погладить собаку.

— Убери руки! — огрызнулась Жуля. — Уходи от нас! Не примазывайся! Мы с Рудольфом Оксану любим.

— Что ты сказала? — растерялось Оксана.

Вопрос потонул в заливином собачьем лае, Рудольф не расслышал, решил, что девушка обратилась к нему. Вновь стал заступаться за собаку:

— Понимаете, у нее на левом глазу катаракта. Она просто плохо видит. А нюха давно нет. Не стоит бояться, она привыкнет.

— Оксана добрая, Оксана красивая! — не унималась болонка. — А ты — тощая, как палка. Все тощие злые! Злые и собак боятся. Ступай. Ступай, куда шла!

Оксана улыбнулась сквозь слезы и села в машину.

— Побочный эффект, чтоб тебя! Обостренное восприятие звуков! Предупреждать надо! Меня теперь каждая собака матом крыть будет, что ли? Кто бы мог подумать, что Рудольф у нас любитель толстухек! Тощие им не нравятся, подумать только! Надо ехать к этому Райкиусу. Раз такие деньги берет, пусть и с эффектами разбирается. Мне зачем все это? Но сначала в салон. А то все дело встанет.

Она взлетела вверх по лестнице, прыгая через ступеньку, и утонула в потоках комплиментов. Подивиться на новый облик начальницы сбежался весь салон. Оксану крутили во все стороны, восхищенно разглядывали, трепетно дотрагивались до нее, как индусы до священной коровы, просили поделиться тайными знаниями, телефоном доктора, деньгами (в шутку, конечно же). Самооценка, окрыленная восторгами сотрудников, взлетела до уровня, на который не поднималась со времен стихов на табуретке, когда четырехлетняя Оксаночка рассказывала для бабушек и тетюшек «Уланили миську на поль», а

они хлопали, хвалили, плакали... В итоге, Оксана забыла зачем пришла, а все Вера со своим массажем.

Уходила Оксана довольная, расслабленная, склонная к восприятию и созерцанию. Уже на выходе остановилась у аквариума. Покой и гармония, гармония и покой...

— Чего уставилась? — спросила у Оксаны толстая золотая рыбка.

— Нет! Только не это! — застонала Оксана.

— Вы что-то сказали, Оксаночка Викторовна? — залебезила Ксюша, но ее нежный лепет растаял в рыбьем брюзжании.

— Вся довольная такая, смотреть противно! — поморщилась рыба. — Вот, скажи, чего ты обольщаешься? Они же завидуют тебе! Салон свой, деньги есть, еще и похудела. А у них из накоплений только жировые отложения на проблемных местах. Ты за дверь, а тут такое начнется! Если хочешь, приходи завтра, расскажу, кто да что на самом деле о тебе думает.

— Не хочу! — ответила Оксана рыбе-сплетнице и шелкнула по аквариуму.

— Ну и дура! — понеслось ей вслед. — Наивная!

11.

— Доктор, но ведь должен быть выход! — чуть не плакала Оксана. — Должно быть какое-то средство от этого побочного эффекта!

— Голубушка, успокойтесь, скоро все сойдет на нет...

— Уверены?

— Почти наверняка. Главное, что процесс не прогрессирует.

— Это как? — утираясь платочком, уточнила Оксана.

— Ну-с, сейчас вас беспокоит то, что вам кажется, что вы слышите и понимаете мысли и голоса животных.

Оксана согласно кивнула.

— Но ведь этим пока все и ограничивается?

— Что вы имеете в виду?

— Мысли людей вам не доступны?

— Не дай бог! — Оксана перекрестилась.

— Раз так, не о чем волноваться. Не все ли равно, о чем щебечут птицы или жужжит муха?

Оксана хотела рассказать, почему ей не все равно, но про болтунов и сплетников, хамов и нахалов животного мира ей противно было даже вспоминать. Тогда было решено вести диалог к завершению, а в конце захотелось повернуть типичный женский приемчик под названием «набиваем цену»:

— Вообще, доктор, мне начинает казаться, что эта худоба мне и не идет вовсе. Я уже думаю, что я дура, которой просто деньги некуда девать!

«Иначе не скажешь!» — раздраженный голос доктора прозвучал у Оксаны в голове, а доктор продолжал уже вслух:

— Оксана Викторовна, что вы на себя наговариваете? Вы же просто великолепны! Это все нервы, стрессы, хроническая усталость. Кстати, возьмите средство для успокоения: две капли — и жизнь прекрасна!

«Правда, небольшой побочный эффект, — хихикали в голове Оксаны ехидные докторские мысли. — Но тебе, дура богатая, на это будет совершенно наплевать!»

Оксана вскочила, подхватила сумку и со всех ног кинулась за дверь записываться на прием к психиатру в бесплатную районную поликлинику по месту жительства.

12.

Два года спустя.

— Уйди, собачья морда! Угомонись, говорю! Мне детей пора укладывать!

— Феликс! — одернула кота Оксана. — Как ты разговариваешь со старшими? Еще и при детях!

— Старость пришла — ум не захватила. Она детям режим сбивает, носится, как угорелая, они за ней.

— Жуля любит их не меньше тебя.

— Зато ты любишь меня меньше всех.

— Не говори глупости. Жуля, место!

— А я не Жуля! Я не Жуля вовсе! Я злой и страшный серый волк!

С воплями восторга и ужаса два «поросенка» в памперсах понеслись прочь от игривой болонки с таким топотом, что вода в аквариуме задрожала.

— Господи, за что?! — возопила рыба голосом трагика с подмостков. — Лишил тишины и покоя! Изгнал из рая! За что караешь?!

— Язык мой — враг мой! — ответила Оксана и подсыпала несчастной корма.

— Страдаю за правду! — огрызнулась рыба с полным ртом.

— Оксана, ты лекарства пила? — донеслось из кухни.

Оксана ответила, что нет. Рудольф в фартуке заглянул в комнату.

— Лекарство пила, говорю, чего молчишь?

— Ой, прости, я думала, что ответила.

— Оксаночка, я, в отличие от некоторых, не телепат! Пила или нет? Признавайся! Его перед едой надо пить, а пельмени уже готовы!

— Не пила, оно противное. И вообще, я себя отлично чувствую.

— Так, дамочка, вы мне эти разговорчики прекращайте! Доктор сказал: два раза в день в течение недели. ОРВИ — это вам не шуточки. Так и бронхит схлопотать можно.

И поцеловал жену в кругленькую щечку.